

sublime and grotesque, tragic, heroic, comic means. The modern culture continues this classical tradition and at the same time it uses a vast number of non-classical categorical tools. Therefore, thinking of death or being afraid of death, we refer to the aesthetic phenomenon, not to its basis.

The author concludes that the intense existential experience is of great importance for the aesthetic comprehension of death. Positive aesthetic experience is associated with pleasure ensured with the aesthetic manifestation of space through beauty. Negative experience is resulted by the rejection of the aesthetic signification of chaos and death expressed through ugly and horrible. These experiences can become the starting point for subject's self-identification and for realizing his microcosm borders. In this sense they obtain the aesthetic and the existential value.

Key words: death, subject, aesthetization, ugly, imageless, existential experience.

УДК 141.2

Иванчук В. В.

аспирант кафедры социально-политических и правовых наук
ДВНЗ «Донбасский государственный педагогический университет»
(Славянск, Украина), E-mail: visnukDNU@i.ua

МОДЕЛИ ОТЧУЖДЕНИЯ У М. ФУКО И Т. АДОРНО

Аннотация. *Проводится сравнительный анализ концепции отчуждения М. Фуко и Т. Адорно. Рассматриваются источники и предпосылки обоих подходов, их различие и взаимосвязь. Сопоставляются негативизирующие тенденции диалектики Адорно и представление Фуко о человеческом мире как системе концептов.*

Ключевые слова: *отчуждение, марксизм, самоотчуждение, негативизм, модель, концепт, дискурс.*

Статья посвящена рассмотрению проблемы отчуждения у двух выдающихся представителей западноевропейской философии, точнее, ее левого крыла, М. Фуко и Т. Адорно. Актуальность избранной темы следует прежде всего из того обстоятельства, что сам предмет рассмотрения – отчуждение человека, в любом понимании последнего, является одной из важнейших его характеристик и фундаментальной составляющей, постоянным симптомом того кризиса, в котором пребывает современное человечество. Можно сказать с полной уверенностью, что со времени появления данного концепта в ранних произведениях К. Маркса, отчуждение становится базовым понятием, описывающим нашу антропологическую ситуацию.

Существующие исследования проблематики отчуждения настолько многочисленны и разнообразны, что даже их простое перечисление и систематизация могли бы стать предметом отдельного рассмотрения. Однако большинство исследователей отчуждения и его представления в основных философских учениях XX века, как правило движутся по замкнутому кругу, стараясь подчеркнуть негативный характер самого феномена, очертить его с позиции стороннего наблюдателя, показать разнообразие форм отчуждения, от социально-экономических, до самоотчуждения человека, не обращая внимания на то, что вся современная культура пронизана отчужденными формами, в том числе и в области философии, так что многочисленные исследования отчуждения, в известном смысле, сами являются его продолжением и закреплением существующего положения дел. Аналог этой ситуации мы находим в современных протестных субкультурах и в целом в контркультуре, когда разнообразные бунтарские проявления очень скоро вписываются в рамки истеблишмента, становятся хорошим средством для карьеры, способом разбогатеть и т.п.

После совместной работы с М. Хоркхаймером [9], в которой подводится неутешительный итог развития западноевропейской культуры, Т. Адорно не предпринимает сколько-нибудь масштабного самостоятельного исследования отчуждения, но последнее становится постоянно действующим фактором в его работах, будь это исследование авторитарной личности [3], немецкой идеологии [1] или изложение негативной диалектики [2]. Само отчуждение рассматривается философом в двух

измерениях: как негативный социальный процесс или состояние и как элемент, аналогичный негативирующей роли его диалектики. Адорно совершенно недвусмысленным образом связывает отчуждение с насилием (в частности, когда пишет о Хайдеггере и его языке [1]). Логическим продолжением размышлений такого рода является связь отчуждения и смерти: «Таким образом, насилие как языковая структура коренится в самом средостении хайдеггеровской философии: в конstellляции самосохранения и смерти. То обстоятельство, что смерть, которой, как неким *ultima ratio*, принцип самосохранения угрожает своим подданным, обращается в собственную сущность этого принципа, означает теодицею смерти» [1, с. 150].

В известном смысле, Адорно по-своему приоткрывает тайну описанного Марксом феномена: истина отчуждения – это, в своей сути, истина смерти. В какой бы области общественной жизни, в культуре, в самой психике человека мы не пытались бы рассмотреть отчуждение, во всех этих и других случаях оно свидетельствует о гибели человека или, по крайней мере, о гибели Целого (целостности) человека. В социальной и экономической практике – это крайне одностороннее и ущербное развитие человека и его способностей, производство человека и его жизни как некоего товара, выполняющего определенные функции. В области культуры – это разрушение целостного образа мира и человека, разрушение гармонии и принципов классического искусства. В области психической жизни – деперсонализация, распад личности, одиночество и негативизм. Распад и гибель – симптомы отчуждения, что бы мы под этим ни понимали.

Маркс усматривал источник отчуждения прежде всего в самом отчужденном труде, а именно – в форме производственных отношений, составляющих для марксистов экономической базис общественной жизни. В силу этого преодолеть отчуждение можно, лишь изменив тип этих отношений. При этом отчуждение традиционно рассматривалось как нечто, присущее классово-антагонистическим формациям, и что должно полностью исчезнуть в коммунистическом обществе.

Совершенно иначе рассматривает этот концепт Адорно. С одной стороны, в его работах прослеживается преемственность марксовской трактовки отчуждения. С другой стороны, проблема отчуждения не связана только с экономической областью. Адорно, как и другие представители Франкфуртской школы сосредоточили свое внимание на сфере человеческих отношений, выходящих за рамки производства. Сущность отчуждения рассматривает в связи с общим пониманием человека, его разумности и того исторического пути, который в конечном итоге и приводит к тотальности отчуждения и связанным с ним последствиям. В известном смысле, отчуждение у философов Франкфуртской школы более тотально, более всеобъемлюще, чем в марксизме, но именно поэтому не может быть отменено или снято в процессе социальной революции.

Все подобные теории в большей или меньшей степени рассматривают человеческую субъективность и те проблемы, которые возникают при ее столкновении с социумом. Общество предстает в виде негативной и даже репрессивной структуры по отношению к реальному человеческому индивиду. Современное общество, или же общество как таковое, постоянно подавляет жизненные и творческие потенции субъекта, что находит свое воплощение в процедуре и ситуации отчуждения, являющейся ключевым термином для всех подобных теорий.

Можно обнаружить определенную близость подобных идей мыслям М. Фуко, философа, обратившего внимание на сложность и неоднозначность человеческой ситуации в XX веке, связанной не только и не столько с социально-экономическими реалиями, сколько с самой природой человека, его психическим развитием и процедурами рациональности.

Подход Адорно является конгениальным точке зрения М. Фуко в отношении субъекта, который в его современном качестве не может быть признан образцом человечности и подлежит более или менее радикальной трансформации, в которой

он, по существу, будет «отменен». Если в одном отношении отчуждение предметно, реально и действенно, то в ином отношении оно является продуктом человеческого ума, оно оказывается либо теоретическим конструктом в системе человеческого знания (Фуко), либо объяснительной моделью в системе негативной диалектики.

Особого внимания заслуживает вопрос о месте отчуждения в рамках социальной онтологии обоих мыслителей. Философы левой ориентации, как правило, стремятся обойтись без онтологии, субстанции, в конечном итоге, без идеального начала. Фуко, например, даже не пытается рассмотреть возможность построения полноценной онтологии, весь человеческий мир оказывается у него как бы подвешенным в пустоте, измышляет сам себя и сам собою довольствуется. Адорно помещает онтологическую проблему (вопрос о бытии) в средостение, в основание своего метода, своей негативной диалектики, но и здесь метод рассмотрения не может заменить самого предмета. Истинным и совершенно неустрашимым предметом онтологии является бытие, однако, важнейшим элементом социальной онтологии, помимо самого факта экономической жизни, является отчуждение во всех его разнообразных формах.

Фуко подходит к отчуждению и отчужденному субъекту со стороны его психических свойств и характеристик. Для Фуко субъект – это человек психоанализа, подвергаемый насилию, многочисленным и болезненным социально-психологическим манипуляциям, в результате которых он нивелируется, исчезает, превращаясь в нумен, конструкт, фикцию. Адорно же понимает человека прежде всего как субъекта культуры, созданного культурой и погруженного в нее.

Между этими подходами нет противоречия, расхождения между двумя мыслителями здесь не более, чем различие аспекта рассмотрения, что, в свою очередь, связано с различием задач этих авторов. Адорно стремится осмыслить причины произошедшего с человеком в XX веке, то падение человека и человечности, которым характеризуется наша эпоха. Человек у Фуко – более искусственен, он создан в рамках рационального дискурса Нового времени, вместе со своими характеристиками. Это касается таких важных для Фуко понятий как болезнь, преступление, безумие, которые он последовательно рассматривает в своих работах, ставшими современной философской классикой [5; 6; 7]. Человек Фуко – более искусственен, но, в то же время, более универсален и эта его универсальность – это универсальность концепта.

Выход из ситуации отчуждения для Фуко не может осуществиться с помощью некоторого, пусть даже революционного, социального действия. Для описания психологических и экзистенциальных предпосылок самоосвобождения человека Фуко создает свою версию герменевтики субъекта, используя собственную новацию – концепт «заботы о себе», обнаруживая его истоки в глубинах философской классики [8].

Можно обнаружить известную переключку идей раннего Маркса с позицией Фуко в отношении его концепта «заботы о себе», особенно там, где Маркс говорит о формах эгоизма и жажде обладания. Именно в это усматривается исток этой заботы: «Жажда бытия есть древнейшая форма любви. Конечно, наиболее абстрактной и, следовательно, древнейшей формой любви является себялюбие, любовь к своему частному бытию. Но это было фактически выражением слишком откровенного взгляда на дело; на словах от этого взгляда отказываются, и делу придается отблеск благородства, порожденный иллюзией чувства. < ... > Покров любви являлся лишь тенью, ядром же оказывается обнаженное эмпирическое «я», себялюбие, древнейшая форма любви, – она не обновилась, не превратилась в более конкретную, более идеальную форму» [4, с. 67].

Фуко стремится построить не просто некоторую социально-психологическую теорию, описывающую отдельные аспекты взаимодействия субъекта и социума. Его намерения связаны с попыткой интегрального представления субъекта в любых

возможных его проявлениях и характеристиках. Очевидно также, что субъективность может рассматриваться в качестве целостной концепции, учитывающей всю полноту проявлений индивида, его маргинальные дискурсы и отношения, его версии, а также его отношение к власти и нормативным социальным практикам.

Фуко не говорит прямо, что его «забота о себе», истоки которой он находит в античности, является способом преодоления отчуждения, но это является средством возвращения человека к его подлинности, его действительным характеристикам, своеобразная педагогика для воспитания душевных качеств человека. Фуко различает в этом понятии: «во-первых, некоторую общую установку, определенный взгляд на вещи, способ поведения, ведения дел, поддержания отношений с другими; *epimeleia heautou* – это установка по отношению к себе, по отношению к другим, по отношению к миру; во-вторых, *epimeleia heautou* – это также некоторое особенное направление внимания, взгляда. Заботиться о себе это значит некоторым образом обращать взгляд, переносить его со всего внешнего на ... я хотел сказать на внутренний мир. <...> Нужно отвести свой взгляд от внешнего, других, мира и т.д. и обратить его на себя самого. Забота о себе предполагает некий способ слежения за тем, о чем ты думаешь, что делается у тебя в душе. В-третьих, понятие *epimeleia heautou* обозначает не просто общую установку или обращение внимания на себя. *Epimeleia* также всегда подразумевает некие действия, такие, которые производят над самим собой, с помощью которых берут на себя заботу о себе, изменяют себя, очищаются, становятся другими, преобразуются. Отсюда целый набор практик, которые в большинстве случаев есть также и упражнения, и им в истории западной культуры, философии, морали, духовности суждена очень долгая жизнь» [8, с. 23].

Часть практик, преодолевающих отчуждение, известна давно и развивалась в рамках религиозной культуры, многие из них имеют явно выраженный нормативный характер: молитва, медитация, послушание и т.п.

Сама нормативность, равно как и все социальные практики, сформировавшие образ Европы эпохи Просвещения, являются, в конечном счете, следствием единой тенденции, стремящейся к известной автономизации и индивидуализации человека. В этом ключе практика заботы о себе становится принципиальным понятием-отношением, по сравнению с которым, все прочие характеристики человека Нового времени являются вторичными.

Справедливости ради, следует отметить, что по мнению Фуко (и это также составляет краеугольный камень его теории субъекта), указанному стремлению к автономизации и либерализации субъективности, противостоит обратная тенденция – ко все более настойчивому включению индивида в контрастные схемы социальных отношений, большинство из которых являются условностями, по сути, социально-психологическими и дискурсивными конструкциями.

Эти две тенденции новоевропейской культуры очевидным образом противопоставлены друг другу, однако, могут и должны быть осмыслены как некая целостность, т. е. как стороны, находящиеся в отношении дополнительности, исключающем взаимное подчинение или конфликт. Фуко, безусловно, отдает предпочтение первой тенденции, которая с его точки зрения является основой формирования новой, подлинной субъективности, свободной от подчинения клишированным социальным отношениям, которые неизбежно маргинализируют любого индивида, стремящегося к полноте самореализации, личной свободе и свободному выбору, не зависящему от общественных условностей.

В качестве выводов и предпосылок для дальнейших исследований необходимо сказать, что рассмотрение и сопоставление моделей отчуждения во многом столь непохожих мыслителей является плодотворной теоретической задачей. Т. Адорно и М. Фуко каждый по своему представили человеческую ситуацию нашего времени, что нашло свое отражение в ряде современных теорий. Заслуживает внимания стремление придать понятию отчуждения более всеобщий характер, рассмотрев его

не только как социально-экономический феномен, но как предельно общее, универсальное состояние, укорененное в самой природе человека, в организации психической и культурной жизни, в структуре рациональности. Подобное смещение аспекта рассмотрения позволяет не просто увидеть нечто новое в этом давно описанном феномене, но и понять каковы теоретические и практические перспективы его преодоления.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Адорно Т. В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии [Текст] / Т. В. Адорно. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. – 191 с.
2. Адорно Т. В. Негативная диалектика [Текст] / Т. В. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
3. Адорно Т. В. Исследование авторитарной личности [Текст] / Т. В. Адорно. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.
4. Маркс К. Из ранних произведений [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1956. – 690 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / Пер. с фр. В. Наумова / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху [Текст] / Пер. с фр. И.К. Стаф / М. Фуко. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
7. Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году [Текст] / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
8. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году [Текст] / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
9. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты [Текст] / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – М.-СПб.: Медиум; Ювента, 1997. – 311 с.

REFERENCES:

1. Adorno T. V. Zhargon podlinnosti. O nemetskoj ideologii [Jargon of Authenticity. On the German Ideology]. – М.: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», 2011. – 191 s.
2. Adorno T. V. Negativnaya dialektika [Negative Dialectics]. – М.: Nauchnyy mir, 2003. – 374 s.
3. Adorno T. V. Issledovanie avtoritarnoy lichnosti [A study of the authoritarian personality]. – М.: Serebryanye niti, 2001. – 416 s.
4. Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedeniy [From early works] – М.: Gospolitizdat, 1956. – 690 s.
5. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish. Birth of the Prison]. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 s.
6. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [The history of madness in the classical period]. – СПб.: Universitetskaya kniga, 1997. – 576 s.
7. Fuko M. Psixhiatricheskaya vlast'. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1973-1974 uchebnoy godu [The history of madness in the classical period]. – СПб.: Nauka, 2007. – 450 s.
8. Fuko M. Germenevtika sub'ekta. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981-1982 uchebnoy godu [Hermeneutics of the subject. The course of lectures at the Collège de France in the 1981-1982 academic year]. – СПб.: Nauka, 2007. – 677 s.
9. Khorkkhaymer M., Adorno T. V. Dialektika Prosveshcheniya: Filosofskie fragmenty [Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments]. – М.-СПб.: Medium; Yuventa, 1997. – 311 s.

Іванчук В. В., аспірант кафедри соціально-політичних і правових наук ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет» (Слов'янськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Модели отчуждения у М. Фуко и Т. Адорно

Анотація. Здійснюється порівняльний аналіз концепції відчуження М. Фуко і Т. Адорно. Розглядаються джерела і передумови цих підходів, їх розбіжності і взаємозв'язок. Порівнюються негативні тенденції діалектики Адорно і уявлення Фуко про світ людини як про систему концептів.

Ключові слова: відчуження, марксизм, самовідчуження, негативізм, модель, концепт, дискурс.

Ivanchuk V., postgraduate student of the Department of social, political and legal sciences SHEI «Donbass State Pedagogical University» (Slavyansk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The models of alienation at M. Foucault and T. Adorno

Abstract. *The relative analysis of the concept of alienation of M. Foucault and T. Adorno is carried out. Radiants and backgrounds of both approaches, their distinction and correlation are considered. Are compared negatives tendencies of dialectics of Adorno and Foucault's representation about the human world as to the system concepts.*

Review and comparison of patterns of alienation in many ways so different thinkers is fruitful theoretical problem. Adorno and Foucault presented each in its own human situation of our time, which is reflected in a number of modern theories. Noteworthy is the desire to give the notion of the alienation of a universal character; considered it not only as a social and economic phenomenon, but as a very general, universal state, rooted in the very nature of man, in the organization of mental and cultural life, in the rationality of the structure. This shift of perspective allows consideration not just to see something new in this for a long time described the phenomenon, but also to understand what are the theoretical and practical perspectives to overcome it.

Keywords: *alienation, marxism, self-alienation, negativism, model, concept, discourse.*

УДК 1 (091)

Карпова С. Г.

кандидат філософських наук,
доцент кафедри філософії
Дніпропетровський національний
університет ім. Олеса Гончара
(Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: visnukDNU@i.ua

СТАНОВЛЕННЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ КРИЗИ В ФІЛОСОФСЬКИХ ПОБУДОВАХ Е. ЛЕВІНАСА

Анотація. *Позначено і проаналізовано проблемне поле кризи в філософських побудовах Е. Левінаса. Показано, як в філософії Левінаса відбувається трансформація від «Ли́ка Іншого» до «Третього» і формується поле кризи. Виявлено, що ця трансформація демонструє інтерсуб'єктивну асиметрію і запускає морально-етичний механізм. Це дозволило позначити в побудовах французького філософа антрополого-гуманістичне і етичне поле кризи, де онтологічний аспект є вторинним*

Ключові слова: *Інший, криза, криза гуманізму, Лик Іншого, «слід», Третій, етична криза.*

Постановка і актуальність проблеми. Загострення кризових явищ, зміна філософських дискурсів, яка спостерігається протягом минулого століття і фіксація інтерсуб'єктивної асиметрії, міцно увійшли в сучасне існування, показали гостру необхідність перегляду більшості традиційних проблем в новому етичному і соціально-філософському зрізах. Тому гетерологічні положення Е. Левінаса, що акцентують увагу на вченні про Іншого, множинності і відмінності, та намічають гуманістичне і етичне проблемні поля кризи, мають актуалізацію в ХХ – поч. ХХІ ст. Відповідно і тема становлення проблемного поля кризи в левінасовських філософських побудовах є актуальною.

Аналіз останніх наукових досліджень і публікацій. Останні наукові дослідження щодо заявленої теми (наприклад, Г. Беневіч, М. Дімітрової, В. Катеринич, М. Серетті, А. Таубер, А. Ямпольської), на жаль, не акцентують увагу на левінасовських побудовах крізь призму кризи. Навіть в дослідженні А. Ямпольської[18] є інтерпретації відносно гетерологічних тем Левінаса, але «кризовий пласт» уявлень філософа опиняється поза межами її розвідок. Також в них не ставиться завдання продемонструвати, як в левінасовських побудовах відбувається трансформація від Ли́ка Іншого до Третього та формується поле кризи. Тому мета нашого дослідження